

«СКЛОННОСТЬ К ЗАГОВОРАМ – РУССКАЯ ЧЕРТА?» (АМЕРИКАНСКАЯ ПРЕССА 1937–1938 гг. О «ЗАГОВОРЕ В КРАСНОЙ АРМИИ»)

В.П. Сапон

Аннотация. До Февральской революции 1917 г. народы США и России «не знали друг друга», однако уже в раннесоветский период ситуация кардинально меняется. При этом важную роль в информационном освещении актуальных политических событий в указанных странах играют СМИ. Одним из событий, которые вызвали пристальное внимание американских ежедневных изданий, стал «заговор в Красной Армии». Эта тема до сих пор не стала объектом пристального внимания российских исследователей, в связи с чем автор статьи поставил перед собой цель осуществить критический обзор материалов американской прессы 1937–1938 гг., посвященных освещению репрессий в Красной Армии. Выяснилось, что американские журналисты и политические обозреватели высказывали весьма разнообразные, иногда противоположные взгляды на причины репрессий, на факт государственной измены (или ее отсутствия) в высшем эшелоне советского военного руководства, на характер и масштабы трансформации Красной Армии в указанный период. Примечательно также, что в ряде публикаций справедливо указывалось, что «чистка» в Красной Армии отнюдь не являлась исключительным явлением в российской истории. По мнению автора статьи, далеко не всегда представители «четвертой власти» США оперировали достоверной информацией; тем не менее, они старались донести до читателей целый широкий спектр авторских подходов и интерпретаций.

Ключевые слова: Советская Россия, сталинский курс, 1937 г., «заговор в Красной Армии», «процесс Тухачевского», американские СМИ, плюрализм мнений.

Сапон Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, vladimail2008@mail.ru.

“IS PLOTTING A RUSSIAN TRAIT?” (THE US PRESS OF 1937–1938 ON THE “CONSPIRACY IN THE RED ARMY”)

V.P. Sapon

Abstract. Before the February revolution of 1917, the peoples of the United States and Russia “did not know each other”, but already in the early Soviet period, the situation changed dramatically. In that time an important role in the information coverage of current political events in these countries was played by the media. One of the events that caused the close attention of American dailies was the “conspiracy in the Red Army”. This problem has not yet become the object of close attention of Russian researchers, for which reason the author has set himself the goal to carry out a critical review of the materials of the US press of 1937–1938 devoted to the coverage of repression in the Red Army. It turned out that American journalists and political observers used to express very diverse, sometimes opposing views on the causes of repression, on the fact of treason (or lack of it) in the highest echelon of the Soviet military leadership, on the nature and extent of the transformation of the Red Army in the indicated period. It is also noteworthy that in a number of publications it was rightly pointed out that the “purge” in the Red Army was by no means an exceptional manifestation of Russian history. According to the author’s view, the representatives of the US “fourth power” did not always operate with reliable information; nevertheless, they tried to convey to readers a wide range of author approaches and interpretations.

Keywords: Soviet Russia, Stalin’s course, 1937, “conspiracy in the Red Army”, “Tukhachevsky’s trial”, American media, pluralism of opinions.

Вплоть до Февральской революции 1917 г. «тихие воды взаимоотношений между Соединенными Штатами и Россией» не способствовали активному информационному освещению актуальных политических событий этих стран в обоих направлениях, поэтому «народы не знали друг друга» [Дэвис, Трани, 2002, с. 25]. Более того, по словам историков Д.Э. Дэвиса и Ю.П. Трани, в этот период «журналисты дезинформировали американцев, насаждая стереотипы»; в лучшем случае «американские ежедневные издания цитировали британских журналистов, как правило, людей с хорошим происхождением, образованием, интересующихся Россией и располагавших “достаточными средствами”» [Дэвис, Трани, 2002, с. 29].

«С Февральской революцией в России и созданием Временного правительства ситуация полностью изменилась», причем в течение нескольких месяцев пресса стала настолько динамичным участником событий, что «весть о большевистском перевороте в Вашингтоне узнали из газет» [Дэвис, Трани, 2002, с. 81, 133].

В своем отношении к Октябрьской революции 1917 г. американское общество раскололось на две части. «Вполне естественно, — отмечает канадский историк Жак Р. Пауэлс, — что политическая и экономическая элиты, те, кто создал американскую капиталистическую систему и получал от нее прибыль, были чистосердечно напуганы движением, имевшим своей целью свергнуть капитализм не только в России, но и во всем мире. С другой стороны, среди беднейших американцев и даже среди американского среднего класса наблюдался значительный энтузиазм по отношению к революционному движению, направленному на замену капиталистической системы новой, эгалитарной социально-экономической альтернативой» [Пауэлс, 2016, с. 51–52]. Пресса становится важным оружием в борьбе за общественное мнение по столь фундаментальному вопросу — именно «с помощью СМИ правительство [США] организовало кампанию, направленную на то, чтобы убедить американский народ в опасности “безбожного большевизма”» [Пауэлс, 2016, с. 52]. Тем не менее в межвоенный период, особенно после охватившей Запад Великой депрессии, Советский Союз для значительной части неэлитарной Америки представлял собой как «источник вдохновения», так и «практическую модель некапиталистического общества, неважно, насколько несовершенной она была» [Пауэлс, 2016, с. 55].

Одним из событий, которые вызвали пристальное внимание американских ежедневных изданий, оказался «заговор в Красной Армии». Чистки, которые проводились в советской военной руководстве, и в частности «процесс Тухачевского», стали интересны политизированной части общества США, с одной стороны, как фактор, влияющий на обороноспособность СССР и его вес на международной арене, с другой стороны — как одно из исторических и политических последствий революционного 1917 г. В отечественной исторической литературе отдельные примеры информационного освоения американскими СМИ различных эпизодов российской истории уже получили определенное освещение [Карманова, 2017; Сапон, Данилова, 2017; Сапон, 2017; Сапон, 2018], тем не менее, развернутых публикаций на тему, заявленную в заглавии данной статьи, еще не было. С помощью

проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов исследования мы хотели бы заполнить это «белое пятно».

Еще в феврале 1937 г. в столичной американской газете «Вечерняя звезда» прошла информация о предстоящем весной «третьем драматическом шоу», в которое, согласно обещаниям советского руководства, будет вовлечено немало «знаменитых мужчин, и, возможно, женщин, обвиненных в государственной измене против государства и разведывательной деятельности в пользу врагов [Советской] республики» [Evening Star, February 15, 1937]. Автор публикации сообщил, что список участников нового судебного процесса будет «содержать еще более видные имена, чем предыдущий список», причем персонально упоминался «начальник штаба Красной армии» маршал Тухачевский. Упомянув факты биографии маршала (службу в императорской гвардии, пленение в годы Первой мировой войны и активное участие в революции на стороне большевиков) вашингтонская газета подчеркнула, что Тухачевский является близким другом наркома обороны К.Е. Ворошилова, который «не видел оснований не доверять тому самую высокую должность после своей собственной» [Evening Star, February 15, 1937].

На несколько месяцев имя Тухачевского исчезает со страниц американских печатных СМИ – видимо, в редакции не было поступлений свежих слухов об интригах в высших эшелонах власти Советского Союза. Зато в мае взрывается настоящая, хотя пока еще не очень крупная, информационная «бомба». 12 мая 1937 г. американские газеты выходят с заметками о сенсационной «встряске» в Красной Армии – речь шла о снятии «Наполеона коммунизма» М.Н. Тухачевского с должности первого заместителя народного комиссара обороны и переводе его на сравнительно незначительную должность в Приволжский военный округ [The Daily Independent, May 12, 1937; Evening Star, May 12, 1937]. Издававшаяся в Северной Каролине газета «The Daily Independent», сообщая детали карьерного роста маршала, отметила, что его понижение в должности стало наиболее сенсационным событием после отставки «военного вождя Советов» (war lord of the Soviets) Льва Троцкого. «Многие расценивают Тухачевского как самого блестящего стратега в России и одного из выдающихся военных деятелей мира (outstanding soldiers of the world)» [The Daily Independent, May 12, 1937], – резюмировала та же газета. Газета «Rochester Journal» (штат Нью-Йорк) сразу же связала понижение маршала в должности с приказом наркома обороны № 100 от 17 мая 1937 г., в котором объявлялось постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об утверждении Положения о Военном совете округа (флота, армии) Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Реорганизация «Красной военной машины» путем введения всемогущих военных советов во всех воинских соединениях «была предвосхищена на прошлой неделе понижением Маршала М.Н. Тухачевского, первого наркома обороны, чье имя упоминалось на январском процессе шестнадцати “троцкистов”, обвиненных в антисоветской заговорщической деятельности» [Rochester Journal, May 18, 1937], – предположило указанное периодическое издание.

Цитируемые заметки, несмотря на заявленную «сенсационность», вышли чуть ли не на последних полосах изданий, зато июнь принес газетным репортерам и

политическим обозревателям новые известия из Советского Союза и новую пищу для политических выводов. 2 июня 1937 г. обозреватель газеты «Evening Star» Константин Браун (Constantine Brown) в авторской рубрике «Этот изменяющийся мир» дал свою оценку «исчезновению» двух советских «фельдмаршалов» – М.Н. Тухачевского и Я.Б. Гамарника, второй из которых, кстати, маршальского звания не имел. По мнению г-на Брауна, первый из них был самым лучшим «солдатом» Советской армии (probably the ablest soldier the Soviet army possessed), второй – самым способным организаторам. В цитируемой заметке содержится намек на причину нелояльности покончившего с собой экс-начальника Политуправления (ПУРа) РККА¹: отвечая за политическую подготовку советских войск в духе преданности коммунистическим идеалам, «он сам не испытывал энтузиазма по поводу новой тенденции режима Сталина – слишком буржуазной, вероятно – и присоединился к троцкистам» [Evening Star, June 02, 1937]. Американский журналист делает и геополитические выводы: по его словам, после устранения из советского военного руководства таких фигур, как Гамарник и Тухачевский, утверждения «о том, что Российская армия – колосс на глиняных ногах, могут, в конце концов, оказаться правдивыми».

11 июня 1937 г. в американских газетах появляются заметки с кричащими заголовками: «Советы осудили восьмерых как предателей. Лицо смерти» [Rochester Journal, June 11, 1937], «8 красных генералов предстали перед расстрельной командой» [Evening Star, June 11, 1937; The Times-News, June 11, 1937] и т.п. На первой странице вашингтонской «Evening Star» излагались подробности: высокопоставленные советские военачальники «были подвергнуты секретному судебному разбирательству как уличенные изменники Советской России, состоявшие в сговоре с враждебным государством». Этот процесс, – третий, посвященный разоблачению государственной измены, – отличается от предыдущих тем, что генералов не обвинили в троцкизме, – подметил автор цитируемой заметки². Самым заметным (most conspicuous) из обвиняемых являлся маршал Тухачевский, снятый с должности командующего Приволжским округом за день до процесса. Кроме Тухачевского перечислялись и остальные экс-генералы, участвовавшие в процессе: В.М. Примаков, бывший командующий Харьковским военным округом (ВО), К.В. Путна, бывший военный атташе в Англии, А.И. Корк, бывший начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе, И.Э. Якир, бывший командующий Ленинградским ВО, И.П. Уборевич, бывший командующий Белорусским ВО (commander of the Red Army in White Russia), Р.П. Эйдеман, бывший начальник Осоавиахима (former head of the training division for army reservists and civilians in aviation and gas defense); Б.М. Фельдман, начальник Управления по начальствующему составу РККА (chief of the personnel section of

¹ Уточним, что этот пост армейский комиссар 1-го ранга Я.Б. Гамарник занимал до 20 мая 1937 г., после чего его перевели на второстепенную должность члена Военного совета Среднеазиатского военного округа.

² Правда, уже на следующий день та же газета отметила, что «в соответствии с установленным ныне обычаем, “троцкизм” приговорен к позорному столбу как первопричина мнимого злодеяния генералов» [Evening Star, June 12, 1937].

the general staff) [Evening Star, June 11, 1937]. Вышедшая на следующий день газета «The Daily Independent» подсчитала, что менее чем за год в СССР на крупнейших судебных процессах по обвинению в измене приговорили более ста человек [The Daily Independent, June 12, 1937].

12 июня 1937 г. «Evening Star» вновь обращается к теме «заговора военных» в «Советах». Пересказывая официальные обвинения военачальников в шпионаже и государственной измене, вашингтонская газета, ссылаясь на «широко распространенное убеждение», заявила, что «своим подлинным происхождением судебный процесс обязан совсем другим причинам» [Evening Star, June 12, 1937]. Завершалась заметка категоричным выводом: «Независимо от вида судебных “доказательств”, произведенных против них, будет трудно убедить недоверчивый внешний мир, что последняя коммунистическая “чистка” – это что-то иное, нежели свежее доказательство того, что Россия кипит подспудным недовольством и несогласием, которые требуют безжалостного подавления расстрельной командой, чтобы они не привели к насильственному свержению все более теряющей доверие и презираемой диктатуры» [Evening Star, June 12, 1937]. Газета «Rochester Journal» в это день ограничилась коротенькой, но эмоциональной заметкой: «Сегодня Советская Россия послала на расстрел восемь человек, которые некогда составляли цвет могучей Красной Армии, и провозгласила через свою прессу **«Собакам – собачья смерть!»**. Восемь генералов приняли смерть после того, как признались и были приговорены за государственную измену (on confession and conviction of treason) (выделено в источнике. – В.С.)» [Rochester Journal, June 12, 1937].

13 июня «Evening Star» сообщила о состоявшемся накануне расстреле бывшего замнаркома обороны и его собратьев по несчастью, при этом в газетной публикации был помещен не только пересказ официального сообщения ТАСС о соответствующем приговоре Верховного суда СССР, но и приводились высказывания К.Е. Ворошилова на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР 1–4 июня 1937 г. Нарком, по сообщению газеты, обвинил «банду» Тухачевского в стремлении «вызвать поражение Красной армии на всех фронтах с целью разрушить советский режим», а также в готовности уступить Украину неназванному иностранному государству в обмен на помощь в их предательских действиях». Примечательно, что, по словам анонимного автора цитируемой статьи, «большая часть Москвы полагала, что они были осуждены за гигантский заговор с целью лишить Советский Союз его западных областей» [Evening Star, June 13, 1937]¹.

14 июня на страницах того же издания появляется очередное обозрение в рубрике «Этот изменяющийся мир». На этот раз К. Браун, с нескрываемой симпатией описав достоинства казненных советских военачальников, попытался разобраться с

¹ В ряде газет повторялась мысль, что «процесс военных» стал мстью за замысел Тухачевского и его единомышленников расчленив Советский Союз. Например, в мэрилендской газете «The Midland Journal» утверждалось: «Большая часть российской столицы была фактически уверена, что эти восемь... были казнены за амбициозный заговор с целью отнять у Советов западные области и передать их Германии» [The Midland Journal, June 25, 1937].

вопросом, что могло их побудить «продать военные секреты немецким и японским агентам». Он приходит к весьма любопытному умозаключению: «Русские военнослужащие находятся в привилегированном положении. В то время, когда остальная часть населения голодала, не имела одежды и страдала от холода, жила в переполненных комнатах, у солдат была хорошая еда и приличная одежда. Когда положение изменилось, и волна относительного процветания пришла в СССР, солдаты стали первыми, кто извлек из этого выгоду» [Evening Star, June 14, 1937]. Отметая меркантильную составляющую измены Тухачевского и его «подельников», американский обозреватель озвучил «широко распространено мнение, что эти люди согласились служить потенциальным врагам своей страны потому, что их рассердили политические цели нынешней администрации Сталина; им не понравились буржуазные тенденции их правительства, и они достаточно по-детски думали, что война, в которой их враги имели шанс на победу, могла бы посадить их в седла; тогда они вернули бы Россию к тому состоянию, в котором ее хотели бы видеть Ленин и Троцкий». Таким образом, К. Браун не отрицает сам факт предательства со стороны осужденных советских военачальников, но пытается увидеть в их действиях некую «идеалистическую составляющую» — по его выражению, «кажется, что теперешние генералы не продают свою страну за наличные деньги, как в царские времена, они делают это во имя идеала» [Evening Star, June 14, 1937]. «Причина другая, но результаты, вероятно, будут те же» — продолжил он свою мысль и вновь вернулся на стезю геополитического анализа. В заключение К. Браун в очередной раз высказал беспокойство по поводу негативного эффекта, который казни Тухачевского и других высокопоставленных в прошлом военных функционеров в Советском Союзе могут иметь для судеб Европы. По словам журналиста, «существует немало опасений в европейских министерствах иностранных дел, что немцы могли бы использовать в своих интересах неопределенную ситуацию в Красной армии, открывшуюся в связи с последним судебным процессом, чтобы попытаться осуществить гитлеровскую политику “сокрушения большевизма”» [Evening Star, June 14, 1937].

Через несколько дней К. Браун продолжил свои рассуждения в статье под красноречивым заголовком «Российская чистка — знак, что Германия может расширяться» [The Sunday Star, Editorial Section, June 20, 1937]. По его словам, европейские правительства заметили «связь между речью, которую делает Гитлер в замке Мариенбург — колыбели тевтонизма — и казнями, которые состоялись на прошлой неделе за стенами мрачного Кремля». В очередной раз перечислив военные заслуги Тухачевского (в частности, «в Германии о нем говорили как о человеке, которого стоит бояться в случае российско-немецкого конфликта»), Уборевича («намечался на должность начальника штаба Красной армий в случае войны, в которой Тухачевский был бы главнокомандующим»), Якира («его сильные коммунистические убеждения, его фанатический энтузиазм по отношению к [партийному] делу и его личная храбрость вознесли его на вершину лестницы») и других репрессированных советских военачальников, американский обозреватель вновь настаивает на своей точке зрения: «Эти люди, несомненно, были виновны в государственной измене — то есть они дали информацию потенциальным врагам республики», но

«все же ни один из них, насколько известно, не сделал это из-за желания обогатиться». «Не желание материальной прибыли стало определяющим фактором для этих людей и тех, кто еще раньше предстал перед расстрельной командой, чтобы разрушать военные материалы и совершать диверсии на всех важных и все еще эффективных советских коммуникационных системах» [The Sunday Star, Editorial Section, June 20, 1937], – методично убеждает своих читателей К. Браун.

Берлин и Токио, «непосредственно вовлеченные в подрыв Советской власти изнутри», давно уже сумели в ходе агентурной деятельности приблизиться к ключевым фигурам в стане своего геополитического противника и привлечь их на свою сторону. «Они, однако, играли не на человеческой жадности..., а на фанатизме этих солдат и политиков, которые были воспитаны в духе пуристской теории Ленина и Троцкого». «Пуристы» встретили в штыки стремление Сталина и его группировки отказаться от коммунистических идеалов и превратить Россию в полубуржуазное государство. «Измена маршалов и генералов Советской армии – все из них пылкие приверженцы истинных коммунистических идеалов – произошла, несомненно, из-за их убеждения, что новые лидеры предают отцов коммунизма», именно по этой причине, «когда агенты немецких и японских правительств приблизились к ним с заманчивыми предложениями, что можно было бы разделить со Сталиным и его последователями, они... предоставили себя на службу планам этих двух агрессивных соседей СССР».

Еще один политический обозреватель, А.И. Назаров, попытался убедить читательскую аудиторию в том, что «есть поразительная новая особенность, которая резко отличает эту волну расстрелов от всех прежних советских “кровопролитий”» [Evening Star, August 1, 1937], и предложил собственную гипотезу произошедшего «отбора жертв» (selection of victims). Все жертвы репрессий до августа 1936 г. считались, более или менее обоснованно, противниками большевиков и контрреволюционерами. Однако в последующий год подавляющее большинство осужденных в политических процессах являлись коммунистами, «притом чрезвычайно яркими коммунистами!». Среди них и маршал Тухачевский, «известный военачальник, который был заместителем комиссара обороны – и который одержал много заметных побед для красных над “белыми” и поляками в первые дни советской власти». А.И. Назаров соглашается с мнением «большинства наблюдателей», что официальные обвинения участников всех процессов предыдущего года являются ложными. Возможно, советские спецслужбы и обнаружили одного-двух шпионов, однако «поверить в то, что матерые коммунисты и интернационалисты, которые всю свою жизнь ненавидели самой лютой ненавистью все то, за что ратуют Гитлер или японские патриоты, – поверить в то, что такие люди могли внезапно стать пронацистами или про-японцами, – значит игнорировать всю человеческую психологию и логику» [Evening Star, August 1, 1937].

Реальную подоплеку «сталинской кампании террора в России» этот журналист увидел в других факторах. В 1932–1933 гг. Сталин и его соратники столкнулись с новым тревожным раскладом международных отношений: «Из охваченного

депрессией послевоенного мира, который до сих пор в ответ на подрывные речи, транслируемые из Москвы, кротко проповедовал пацифизм, внезапно возникли две очень реальные и серьезные угрозы территории России — угроза со стороны нацистской Германии, жадно взирающей на Советскую Украину, и угроза со стороны Японии, грозящей бронированным кулаком в сторону Владивостока» [Evening Star, August 1, 1937]. Именно внешние угрозы предопределили развитие внутренних общественно-политических процессов в СССР, в том числе и преследование поборников коммунизма.

Сталин и его окружение осознали иллюзорность «утопии мировой революции», им пришлось пересмотреть свое отношение к России — она перестала быть «промежуточной станицей» на пути к всемирной победе коммунизма. Сама жизнь заставила Сталина перейти к «оборонительным, националистическим методам», «и надо отдать ему должное, он мудро подчинился необходимости». В последующие четыре года советское правительство перестроило «по новому националистическому образцу» все отрасли советской жизни, при этом Третий Интернационал, «эту дорогую игрушку, которая оказалась такой опасной, — заперли в шкафу и сурово велели вести себя хорошо» [Evening Star, August 1, 1937]. Советский Союз не только вступил в презируемую им недавно Лигу Наций, но и реанимировал, в лучших традициях царской дипломатии, идею русско-французского «оборонительного пакта».

Обозреватель высказал убеждение, что русский народ, включая миллионы рядовых коммунистов, «приветствует сталинские реформы, ведущие назад к национализму с искренней радостью», именно на эту поддержку опирается «диктатор» при дальнейшем осуществлении своего политического курса. Однако на пути сталинского курса встала «старая гвардия» правящей партии — «бескомпромиссные догматики и фанатики интернационалистической религии и мировой революции, люди, которые с особой дерзостью и ненавистью третировали национальное чувство, историю и религию России»; «такие люди не могли простить Сталину его “предательства коммунизма и революции”». Причем, если такие личности, как Зиновьев и Бухарин были способны лишь интриговать против Сталина, «не смея открыто поднять голос против него», то Тухачевский, хотя он «не был ни националистом, ни интернационалистом, а просто человеком, охваченным всепоглощающей жадой успеха и власти», «был вдвойне опасен, как в силу своей личной славы, так и благодаря тесным связям с большевиками интернационалистического типа». Таким образом, подытожил свой обзор А.И. Назаров, «сместив Россию с интернационалистических рельсов на националистические, Сталин убирает с ее пути тех, кто может препятствовать этому прогрессу» [Evening Star, August 1, 1937].

Корреспондент агентства «United Press» Уэбб Миллер (Webb Miller) также приходит к мысли, что в ВКП(б) существовали элементы, враждебные Сталину, но речь идет не об организованной поддержке троцкистской идеи, что советский лидер «предал революцию», а скорее об индивидуальном недовольстве сталинским политическим курсом [The Times-News, August 31, 1937, p. 4]. Он перечисляет целый ряд причин «чистки», при этом не сомневается, что «иностранные государства

имеют и поддерживают шпионов в Советском Союзе». «Но, конечно, не все, кого в Советском Союзе называли японским или немецким шпионом или фашистским шпионом, получали зарплату за границей», – уточняет свою позицию У. Миллер. При этом сотрудник «United Press» не видит ничего уникального в развернувшейся в Советской России шпиономании – по его словам, «любой, кто вспомнит эпидемию “немецких шпионов” в США во время мировой войны, понимает, что происходит под давлением военной истерии», а Советский Союз в течение предыдущих двадцати лет развивался именно в психологической атмосфере военного времени (under a war-time mentality)¹.

Об общем отношении У. Миллера к «чистке» в РККА говорит уже название соответствующего подраздела статьи – «Казни в армии остаются загадкой» (Army executions remain a mystery). Он предположил, что ключ к разгадке тайны «находится в принятом Сталиным в мае решении восстановить институт политических комиссаров в крупных армейских частях». Политкомиссары, по выражению обозревателя, «фактически являются шпионами», которые обязаны отслеживать действия командиров и докладывать обо всем правящей партии – «любой американец, делающий карьеру в армии, мог бы резко возразить против такого порядка». «Тухачевский и другие генералы, возможно, сопротивлялись этому институту и продолжали сопротивляться до такой степени, что это стало считаться подозрительным или отклонением от линии партии» [The Times-News, August 31, 1937, p. 4]. Оппозиция группы высокопоставленных советских военных (some upper career militarists) мотивировалась тем, что они были в большей степени заинтересованы в повышении боевой эффективности РККА, нежели в ее политизации на большевистский лад².

Далее американский журналист упоминает еще одну вероятную причину репрессий в руководстве Красной Армии – из разряда «шпионской эпидемии»: «Несколько казненных генералов прошли подготовку в Германии в период российско-германской дружбы. Вполне вероятно, что они сохранили определенные дружеские отношения, возможно, даже контакты с немецкими офицерами, военной эффективностью которых они восхищались» [The Times-News, August 31, 1937].

¹ В этой связи приведем более свежий пример шпионской «эпидемии», преданный гласности одной из американских газет. «Французская служба Surete Generale, которая следит за преступной деятельностью всех видов во Франции, только что организовала воздушный патруль, который находится на дежурстве 24 часа в сутки. Полицейские и офицеры бюро контрразведки летают в этих самолетах и наблюдают за всем с воздуха. В нынешнее время, когда осуществляется необузданный шпионаж в каждой стране мира, есть много шпионов, которые приземляются на соседнюю территорию с самолетов», – сообщила «Evening Star» 15 февраля 1937 г., причем этот материал следовал сразу за сведениями о том, что «немцы и японцы – преимущественно первые – упорно работают на советских территориях, чтобы создать подозрение и недоверие к лидерам и в рядах коммунистической партии» (Evening Star, February 15, 1937).

² Тезис о фронде аполитичных военных профессионалов в РККА имел хождение и в других публикациях американских СМИ. Так, «Evening Star», вышедшая в день 20-летия Октябрьской революции, утверждала: «чистка была безжалостным и отчаянным методом, с помощью которого диктатура подавила профессиональных солдат, которые настаивали на отказе армии от советского политического контроля и поддержании ее как чисто боевой машины для обороны России» [Evening Star, November 7, 1937].

Благодаря цитируемой статье можно получить представление о последовательности проникновения в западные СМИ (и уровне корректности) информации, посвященной раскручиванию «дела Тухачевского». «В феврале, — пишет У. Миллер, — меня повсюду в Москве уверяли, что в случае войны маршал, признанный одним из самых блестящих тактиков в мире, будет командовать Красной Армией в полевых условиях¹. В конце марта он лично подтвердил одному из моих друзей, что был избран представлять Советский Союз на коронации короля Георга VI. Эта встреча позже была отменена. Но 1 мая Тухачевский стоял рядом со Сталиным на Красной площади, наблюдая Первомайский парад, а затем вместе со Сталиным принимал армейских офицеров.

Через одиннадцать дней его неожиданно понизили до провинциального поста. Через месяц его арестовали, поспешно судили и расстреляли.

Как говорят в Москве, Тухачевский был арестован с помощью уловки после того, как его вызвали с Волги — якобы для участия в собрании армейских командиров. Его схватили посреди ночи, когда он ехал в Москву на личном автомобиле» [The Times-News, August 31, 1937]. Поистине, хронология последних месяцев карьеры маршала Тухачевского «показывает, с какой сокрушительной внезапностью разразился кризис» [The Times-News, August 31, 1937].

По-своему осветила тему репрессий в советском государстве, в том числе и в военных кругах, серия очерков маститого журналиста газеты «Chicago Daily News» Джона Т. Уитакера (John T. Whitaker), опубликованная (и перепечатанная в «Evening Star») на рубеже 1937–1938 гг. Этот американский журналист рисует неоднородную картину современной ему общественной жизни в советском государстве. С одной стороны, он делится собственным опытом общения со служащими советского МИДа — все они боялись сказать что-нибудь лишнее, чтобы не попасть под подозрение. (Что-то похожее происходит на официальном дипломатическом приеме и в других местах.) Но, с другой стороны, Дж. Уитакер упоминает об общении своих знакомых с московскими рабочими, которые открыты, дружелюбны и даже не знают, что «русские не должны иметь ничего общего с иностранцами» [Evening Star, December 31, 1937]. «Мои друзья думают, что чистка затрагивает только интеллигенцию и бюрократию — две группы, известные иностранцам; но среди масс — 90 процентов населения — нет ощущения террора в стране», — отмечает американский обозреватель.

¹ «Кстати, — дополнил далее автор статьи, — во время моего февральского визита в Москву произошел инцидент, который выше моего понимания. До меня дошли определенные слухи, что советский и немецкий генеральные штабы установили или собираются установить контакт. Я проигнорировал слух, потому что казалось фантастическим поверить, что случайный иностранец услышит такую тщательно охраняемую тайну, но снова я услышал это в высоких официальных кругах в Праге, Чехословакия. Была ли правда в этом слухе или он распространялся преднамеренно по очевидным причинам, я не знаю» [The Times-News, August 31, 1937].

«Другие иностранцы, жившие здесь долгое время, говорят то же самое», продолжает Дж. Уитакер — они согласны, что кто-то мог стать жертвой необоснованных репрессий, как это случилось в гитлеровской Германии 30 июня 1934 г, однако большинство приговорено большевиками к расстрелу за реальные преступления. Американец цитирует в этой связи любопытный диалог с одним из таких иностранцев — инженером, который «ни за, ни против коммунизма» (has no brief for or against communism), но знает Россию еще с царских времен:

«— И Вы верите также, что маршал Тухачевский и семь других генералов были виновны? Вы считаете, что они вступили в переговоры с немцами, чтобы предать свою страну в военное время?»

...— Конечно, — сказал он.

...— Почему?

— Ну, это в русском характере — плести заговоры. Они были против политики Сталина, не так ли? Тогда почему бы им не устроить его свержение?

— В конце концов, ты можешь не соглашаться с человеком и все же не замышлять ни его свержения, ни предательства своей страны, не так ли?

— Разве вы не знаете, — настаивал инженер, — что, когда Тухачевский посетил Париж, он был так явно против французского союза и так стремился разорвать его и объединить Россию с Германией, что это вызвало скандал?

— Ну, даже если я приму те слухи, которые мы все слышали, это не докажет, что он был виновен по предъявленным обвинениям.

— Вы просто не понимаете, — звучит хор голосов» [Evening Star, December 31, 1937].

Заканчивается статья собственным обзором Дж. Уитакера основных достижений советских вооруженных сил. Он напоминает, что численность РККА достигает 1,3 млн чел., плюс еще полмиллиона в ОГПУ, пограничных войсках и т.д. (Для сравнения он указывает, что постоянная армия в США насчитывает лишь 165 тыс. чел.) При этом Красная армия не только в численности затмевает любую другую армию (in numbers it dwarfs any other army), она уникальна также в степени концентрации единоначалия — более того, перед Сталиным подотчетны не только армия, но и финансы, промышленность, транспорт. Да и все население страны «живет в условиях строгой военной дисциплины».

Новая российская армия — это не «паровой коток», который при царе формировался из вынужденных служить ополченцев, это — сверху донизу рабоче-крестьянская армия. «Восемь генералов, убитых во время чистки, были более способными, но шестеро из них являлись царскими офицерами. Генералы армии товарища Сталина сегодня — это сыновья крестьян и рабочих и сами из трудовых слоев» [Evening Star, December 31, 1937].

Это относится и к маршалу Ворошилову, «сыну пастуха», и к маршалу Блюхеру, «сыну рабочего», и к маршалу Буденному, «сыну крестьянина» — они «не перво-классные генералы по мировым меркам, кроме разве что Блюхера, но офицеры, знающие своих людей и научившиеся военному ремеслу».

Ключевое значение имеет сформировавшаяся в РККА психологическая атмосфера. Русский (советский) солдат «думает о себе как о человеке, взявшем в руки оружие для защиты Отечества рабочих и крестьян — того, что он создал и чем владеет сам — от фашистско-буржуазных сил. Отнюдь не потрясенный тем, что казнят “фашистско-буржуазных предателей”, он чувствует себя в большей безопасности, потому что товарищ Сталин с большевистской бдительностью выявил врагов» [Evening Star, December 31, 1937].

«Где-то еще чистка могла бы ослабить армию. Но не в России — если я прав, полагая, что боевой дух солдата важнее всего на свете. Здесь это привело к возвращению армии к ее первоначальным источникам силы. Это не капиталистическая армия, и она не может быть оценена таким же образом. Это народная армия. Надо только посмотреть, чтобы увидеть разницу» [Evening Star, December 31, 1937], — таков политический диагноз журналиста «Chicago Daily News», который был специально направлен редакцией своей газеты в Советский Союз для сбора актуальной информации.

Подытоживая обзорение того комплекса североамериканских СМИ, которые рассмотрены в данной статье, можно отметить ряд особенностей информационного освоения ими темы репрессий в Советских вооруженных силах в 1937 г. Стоит признать, что далеко не всегда работники печатного фронта США оперировали достоверной информацией (это, например, относится к утверждению о дружбе между Ворошиловым и Тухачевским или к необоснованному преувеличению — до мирового уровня — полководческого таланта Блюхера). Примечательно также, что в отдельных публикациях справедливо подмечено, что «чистка» в армии отнюдь не является исключительным проявлением сталинской эпохи — действительно, что-то подобное, в обстановке обострения военно-политических угроз, происходило и в других странах. Однако главное, что сразу бросается в глаза — это плюрализм авторских подходов и интерпретаций: журналисты и политические обозреватели высказывали весьма разнообразные, иногда противоположные взгляды на причины репрессий, на факт государственной измены (или ее отсутствия) в высшем эшелоне советского военного руководства, на характер и масштабы трансформации РККА, ставшей итогом «чистки». Наглядный пример — характеристика личности маршала Тухачевского: одни увидели в нем борца за восстановление первоначальных идеалов коммунизма, готового ради этого даже на сотрудничество с вражескими государствами; вторые отрицали факт измены как надуманный и нелогичный; третьи настаивали на аполитичном властолюбии бывшего первого заместителя наркома обороны... Весьма противоречиво американская пресса оценила степень социальной поддержки сталинского курса, как в советском обществе в целом, так и в солдатско-офицерской среде. При этом вполне оправданно развитие внутривнутриполитической ситуации в СССР увязывалось с динамикой внешнеполитических процессов. Можно утверждать, что такой разброс оценок был обусловлен как

сложностью освещаемой темы, так и острым недостатком фактического материала. Впрочем, такая ситуация не потеряла актуальности и в наше время – об этом красноречиво свидетельствуют энергичная «война интерпретаций», характерная для современной, в первую очередь российской, историографии темы «Красная Армия в 1937 году».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Науч. ред. А.А. Поршакова; Пер. с англ. Е.В. Нетесовой; Сост. указ. и библиогр. ред. Д.Н. Бакун. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 479 с.

Карманова М.О. Феномен восприятия революции 1917 года в США (1917–1933) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (42). С. 37–46.

Пауэлс Жак Р. США во Второй мировой войне: мифы и реальность / [пер. с англ. И. Маленко]. Москва: Алгоритм, 2016. 384 с.

Сапон В.П. «The mystery man of communism»: И.В. Сталин в освещении американской прессы 1920–1923 гг. // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 48–56.

Сапон В.П. «Что произойдет после смерти Ленина?» Прогнозы и мифы американских СМИ о переменах в советском руководстве в 1922–1924 гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 121–129.

Сапон В.П., Данилова В.Н. Русская Православная Церковь в первые дни Февральской революции в освещении американских СМИ // Патриарх Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству. Материалы Всеросс. научно-практ. конф. с международ. участием. Отв. ред. С.Н. Пяткин. Арзамас, 2017. С. 127–130.

Evening Star (Washington, D.C.).

Rochester Journal (Rochester, N.Y.).

The Daily Independent (Elizabeth City, N.C.).

The Midland Journal (Rising Sun, M.D.).

The Sunday Star. Editorial Section. June 20, 1937.

The Times-News (Hendersonville, N.C.).

REFERENCES

Davis Donald E., Trani Eugene P., *Pervaya kholodnaya voyna. Naslediye Vudro Vil'sona v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh* [The First Cold War. The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations] / Nauch. red. A.A. Porshakova; Per. s angl.

Ye.V. Netesovoy; Sost. ukaz. i bibliogr. red. D.N. Bakun. M.: OLMA-PRESS, 2002. 479 p. (in Russian).

Karmanova M.O. Fenomen vospriyatiya revolyutsii 1917 goda v SSHA (1917–1933) [The phenomenon of perception of the revolution of 1917 in the United States (1917–1933)], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*. 2017. № 2 (42). Pp. 37–46 (in Russian)

Powels Jacques R. *SSHA vo Vtoroy mirovoy voyne: mify i real'nost'* [USA in World War II: Myths and Reality] / [per. s angl. I. Malenko]. Moskva: Algoritm, 2016. 384 p. (in Russian).

Sapon V.P. "The mystery man of communism": I.V. Stalin v osveshchenii amerikanskoj pressy 1920–1923 gg. ["The mystery man of communism": I.V. Stalin in the coverage of the American press of 1920–1923], in *Dialog so vremenem*. 2018. № 64. Pp. 48–56 (in Russian).

Sapon V.P. "Chto proizoydet posle smerti Lenina?" Prognozy i mify amerikanskikh SMI o peremenakh v sovetskom rukovodstve v 1922–1924 gg. ["What will happen after the death of Lenin?" Forecasts and myths of the American media on changes in the Soviet leadership in 1922–1924], in *Epokha sotsialisticheskoy rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy. Sbornik nauchnykh trudov* [The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformation. Collection of scientific papers]. Yekaterinburg, 2017. Pp. 121–129 (in Russian).

Sapon V.P., Danilova V.N. Russkaya Pravoslav'naya Tserkov' v pervyye dni Fevral'skoj revolyutsii v osveshchenii amerikanskikh SMI [The Russian Orthodox Church in the first days of the February revolution in the coverage of the American media], in *Patriarkh Sergiy i tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v KHKH veke: trudnyy put' k sotrudnichestvu. Materialy Vseross. nauchno-prakt. konf. s mezhdunarod. Uchastiyem* [Patriarch Sergius and church-state relations in the twentieth century: a difficult path to cooperation. Materials of the Russian scientific conference with international participation]. Otv. red. S.N. Pyatkin. Arzamas, 2017. Pp. 127–130 (in Russian).

Evening Star (Washington, D.C.).

Rochester Journal (Rochester, N.Y.).

The Daily Independent (Elizabeth City, N.C.).

The Midland Journal (Rising Sun, M.D.).

The Sunday Star. Editorial Section. June 20, 1937.

The Times-News (Hendersonville, N.C.).